

М. В. БЕЛОВ, А. И. ВИТАЛЬЕВА

ЭДМУНД БЁРК – РАННИЙ ИДЕОЛОГ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье вносятся некоторые уточнения в давний спор об эволюции воззрений Эдмунда Бёрка. Авторы интерпретируют бёрковские тексты с акцентом на анализ языка. За основу взяты три кризисных периода в истории Великобритании и политические шаги Бёрка в каждом из них. Основной задачей стало составление словаря наиболее значимых для него понятий и поиск содержания, которое он вкладывал в них в зависимости от происходившего. Следуя традициям английского права и «конституции», сложившейся после Революции XVII в., Бёрк искал их соответствие правилам политической игры и принципам Просвещения.

Ключевые слова: Британская империя, имперские кризисы, английское право, политический язык Э. Бёрка, консерватизм.

Вот уже много десятилетий подряд не утихает спор об идеологической принадлежности известного британского политика и публициста Э. Бёрка. В работах (в основном западных исследователей) нет единодушного понимания его творчества.

А. Коббен изучал идейную взаимосвязь Бёрка и эпохи Просвещения. Ф. Дрейер в центр учения Бёрка об обществе ставил индивидуализм. Г. Чепмен разделял позицию Дрейера и трактовал Бёрка с позиций утилитаризма. Представители историографии 1950-х – начала 1960-х гг. Ч. Паркин, П. Стенлис, Ф. Канаван были склонны подходить к анализу работ мыслителя с точки зрения его отношения к «высшей нравственной справедливости», «естественному закону», «высшему нравственному порядку». Таким образом, была сделана попытка выделить теологическую концепцию государства. Еще в XIX в. такие историки как Т. Мэкнайт и Дж. Морли спорили, Бёрк – либерал или консерватор, а в конце XX в. этот спор дополнился новыми деталями, вследствие чего некоторые исследователи сочли его радикальным романтиком (М. Фриман) и увидели в нем, скорее, практика, нежели теоретика. Тем не менее, существует общая тенденция – специалисты-историки упорно настаивают на том, что после Французской революции конца XVIII в. взгляды Бёрка претерпели трансформацию: от либеральных к консервативным. Истоки консервативной идеологии находят в его наиболее известном труде «Размышления о революции во Франции» (1790). Однако, несмотря на констатацию исследователями поправления взглядов Бёрка,

были и те (И. Крамник), кто предполагал существование консервативных идей задолго до Революции¹.

Чем объяснить многообразие характеристик, данных бёрковскому наследию? Многие исследователи отдавали предпочтение преимущественно «позитивным» методам работы с источниками. Их слабость заключается в том, что исследователь ограничен рамками текста и пытается выдвинуть определенный набор «вечных» истин. Недостаточность такого подхода была отмечена рядом интеллектуальных историков второй половины XX в. В вопросах «свободы» от предрассудков классической методологии разбирался, в частности, К. Скиннер. Роль интеллектуального историка он видит в том, что тот, «подобно археологу, выносит похороненное интеллектуальное сокровище на поверхность, протирает с него пыль и позволяет нам пересмотреть то, что мы о нем думали»². Это предполагает более глубокий уровень исследования.

Ранее проблемой интерпретации политических и философских текстов занимался Дж. Покок. Ему, по словам Скиннера, и обязаны интеллектуальные историки выходом из тупика: «История политической мысли это не история мысли, языка или парадигм сообщества политологов; очень редко это сообщество может развиваться до точки, где его язык и его история достигнут достоинства подсистемы. Политический мыслитель берет на себя ответственность думать как член сообщества и в его контексте, и поэтому [обязан] говорить на специфическом варианте его общественного языка»³. Покок акцентирует внимание на том, что в одном и том же сообществе может быть несколько вариантов языка: «Сложное многообразное общество будет говорить на сложном многообразном языке; или, скорее, [ему будет присуще] многообразие специфических языков, каждый из которых имеет свое собственное суждение в отношении определения и распределения власти..., когда многие парадигматические структуры будут существовать одновременно...»⁴. В исследовании Покока нашлось место и для Э. Бёрка. Он новаторски подошел к деятельности мыслителя, интересуясь отношением последнего к законам и деятельности Парламента. Автор пришел к выводу, что «бёрковское восприятие того, что англичане широко вели дебаты об об-

¹ См. подробнее: *Chapman*. 1967; *Dreyer*. 1979; *Canavan*. 1960; *Cobban*. 1960; *Freeman*. 1980; *Kramnick*. 1977; *Macknight*. 1858, 1860; *Morley*. 1888; *Parkin*. 1956; *Stanlis*. 1958 и другие.

² *Скиннер*. 2006. С. 94.

³ *Роскок*. 1972. Р. 16.

⁴ *Ibid*. Р. 22.

щем законе и действительной собственности, было восприятием истории в [русле] английской политической мысли»⁵. Отдельная глава сочинения Покока посвящена отношению Бёрка к древней «конституции». По всей видимости, он хотел установить взаимосвязь времен и узнать, насколько тот следовал принципу давности и авторитета. Выяснилось, что закон существует с незапамятных времен, и Бёрк всецело на него полагался. Заключение Покока таково: «Своей доктриной традиционализма Бёрк дал понять, что это был образ мышления, который существовал в Англии так долго, что сам по себе стал традиционным»⁶. Автор вновь подчеркивает, что именно Бёрк основал консервативный традиционализм. Однако, ограничившись темой «Бёрк и конституция», он сделал лишь несколько беглых замечаний по поводу некоторых политических шагов Бёрка, ибо главной целью его книги была демонстрация нового метода при изучении политических текстов.

Пользуясь им, вновь обратимся к сочинениям Бёрка и попытаемся внести некоторые уточнения в спор об эволюции его воззрений; рассмотрим знаковые периоды парламентской деятельности, времена кризисов в британской истории, которые существенно повлияли на становление Бёрка-мыслителя. Во-первых, это реформаторское движение внутри и вне Парламента или внутренний кризис. Второй кризис назовем имперским⁷, ибо американская война, ирландский вопрос и назревавшая религиозная напряженность в Шотландии подрывали мощь всей Британии. В-третьих, самый великий кризис из всех, коснувшийся «не одной только Франции, но всей Европы, а может быть, и более чем Европы»⁸ – Французская революция.

В базовом «словаре» Бёрка выделяются следующие понятия – это нация (народ), государство, правительство, закон, право, свобода, религия (христианство), конституция, реформа, реформаторство, революция. При этом оставим пока в стороне понятия, относящиеся к нравственным ценностям. Язык Бёрка-политика заставляет в первую очередь оценивать те концепты, которые составляют относительную целостность в истории политической мысли.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. P. 205.

⁷ Британия официально была объявлена империей лишь в XIX веке, но, по мнению западных историков, из-за огромных владений и военной мощи Британия вполне соответствовала этому статусу ранее. Бёрк неоднократно упоминает этот термин, имея в виду Великобританию и ее колонии.

⁸ Бёрк. 1992. С. 71.

Кризис первый – внутренний

Бёрка, члена партии вигов, интересовало все, что было связано с политикой британской монархии. Насущными вопросами его эпохи стали политическая свобода, права человека, законность государственной власти, веротерпимость, равенство, право на восстание и неповиновение верховной власти суверена и многие другие. Во второй половине XVIII в. в Великобритании назревали большие политические перемены, наметились некоторые тенденции эволюции политической системы. Причиной тому были внешние и внутренние процессы. Вот наиболее общие из них. Палата лордов оставалась высшей судебной инстанцией и не всегда механически штамповала решения палаты общин. Устаревшая выборная система сохраняла «гнилые местечки», что сужало представительство и порождало электоральную коррупцию. Не стихала борьба короля с вигской оппозицией, которая стремилась завоевать большинство и взять власть в свои руки, она же вела борьбу за расширение представительства в Парламенте, обеспечение свободы вероисповедания, отмену работорговли. Не была решена давняя проблема баланса исполнительной и законодательной власти. Усложнялась борьба «партийных» группировок (как таковая партийная система еще не сложилась, сам Бёрк не раз высказывался, какой он видит ее в действии). При этом шла постепенная замена власти короля властью премьер-министра, в распоряжении которого находился значительный контроль над финансами страны⁹. В 1760-е гг. началось реформаторское (внепарламентское) движение, целью которого было расширить систему представительства, причем лидерами в этом движении зачастую становились провинциалы.

Начнем с того, каковы были взгляды Бёрка на состояние дел в предкризисное для Великобритании время. Бёрк-виг в то время неоднократно подчеркивал приверженность идеям естественных прав и естественного состояния, воспетого Ж.-Ж. Руссо. На этих идеях зиждется вся философия Бёрка 1760-х – начала 1770-х гг. И на его речах по поводу отношений между подданными Британской империи¹⁰ стоит твердая печать Просвещения. «Когда представительство построено на верности природе, один представитель поддерживает другого, взаимные права обеспечиваются и соблюдаются между частями [содружества]»¹¹. При-

⁹ Яковлев. 2000. С. 227-240.

¹⁰ У. Питт-старший (1707–1778), по оценке британской энциклопедии, был человеком, обеспечившим трансформацию своей страны в имперскую державу (например, путем наращивания военно-морских сил Великобритании).

¹¹ *Burke. Observation on a late publication on the present state of the nation// Writings and speeches. 1901. Vol. 1. P. 317.*

рода сама по себе, если и могла диктовать условия жизни, то лишь в догражданском состоянии дикости. Выйдя из этого состояния, человек и общество стали ограничены в действиях законами, которые легли в основу «конституции». И если в 1756 г., в пору исканий общественного идеала Бёрк утверждал, что «политические общества совершают насилие над природой»¹², то в 1769 г. Бёрк-парламентер пытается разобраться во внутреннем устройстве «древней британской конституции»¹³, соединяя Закон Божий и Закон гражданского общества.

Почему права и свободы связаны, помимо закона, с религией? Видимо, историческая память об Английской революции существенно повлияла на мировоззрение Бёрка. Знарок европейского права Г. Дж. Берман прямо утверждает, что конституционные принципы Британии произошли от кальвинизма. Поскольку Английская революция была проведена под «предводительством» пуритан, несших особое мировоззрение, необходимое для проведения радикальных реформ, после ее завершения любое насилие над гражданами должно было быть наказано в соответствии с христианской совестью¹⁴. Это позволяет объяснить «религиозность» Бёрка в политике, которая, несомненно, отличала его от других просветителей.

Касаюсь гражданского закона, Бёрк говорит, что люди сами принимают участие в формировании государственных систем, «сконструированных в своей природе», но, не неся ответственность за свои действия, они делают «беспорядок» «фундаментом конституции», вследствие чего подрываются основы правительства: «Что нам нужно, так это установить наиболее полное мнение о согласованности и устойчивости мировоззрения правящих людей государства»¹⁵. Люди должны приходить в политику «с правильными целями». Под этим подразумевается стремление смотреть в одном направлении – во имя интересов «нации», а не личной выгоды, – поскольку, по признанию Бёрка, «успех Правительст-

¹² Бёрк. В защиту естественного общества // Правление, политика и общество. 2003. С. 81.

¹³ Имеется в виду общее право прежних времен, существовавшее до того, как монархии Тюдоров-Стюартов установили свое превосходство над церковью. Об этом писал Покок. «Неписаная», или «полуписаная» конституция Британии включает в себя Великую хартию вольностей, Петицию о праве и др. письменные тексты. До реставрации предпринимались попытки создания национальной конституции в письменной форме (например, «Народное соглашение» 1649 г. или «Орудие управления» 1653 г.), после нее такие эксперименты прекратились. На русском языке см. подробнее: Берман. Вера и закон. 1999.

¹⁴ Там же. С. 142-143.

¹⁵ Burke. Observation. P. 425.

ва¹⁶ всегда зависел от сделки, заключенной между несколькими людьми¹⁷. В преддверии американского кризиса, в потоке нарастающего реформаторского движения в стране Бёрк пытался размышлять о «причинах современных разногласий» в одноименном сочинении 1770 г.

Противоречивая политика Георга III не вызывала одобрения в правительственных кругах. «Режима личной власти» не существовало, но власть короля была соотносима с правами президента современных США. Он выбирал министров, имел право сепаратных встреч с ними и с послами Великобритании, утверждал все перемещения командного состава армии и флота, открывал и закрывал сессии парламента, обладал большими возможностями в создании синекур, словом, был наделен огромными полномочиями в решении важных государственных вопросов. Неудобные ему министры смещались с поста с большой легкостью. Единственным премьером, достаточно успешно проводившим самостоятельную политику, был У. Питт-младший (1759–1806)¹⁸. Нетрудно догадаться о тогдашнем отношении Бёрка к королю. Были и другие причины неприятия Георга III вигами в целом.

Со времени установления Ганноверской династии вигские министры широко использовали королевское влияние в Парламенте. Уолпол и Ньюкасл были больше, чем министрами, почти регентами. Обстоятельства способствовали тому, что они и их приближенные держали в руках власть около полувека. Георг I и Георг II были чужестранцами по языку, взглядам, воспитанию и симпатиям; их суд был преимущественно немецким; их интересы и амбиции вращались вокруг Ганновера и Европы, они были обязаны тронем вигам. С приходом к власти Георга III все изменилось. Он считал себя рожденным и взращенным англичанином, во всяком случае, пытался быть таким. Георг III получил хорошее образование в Англии благодаря своей матери и графу Бьюту, шотландцу по происхождению, и в глазах своих оппонентов, одному из тори¹⁹. Бёрк придерживался линии вигской группировки, когда она лишилась своего влияния на корону. Английский мыслитель разошелся во взглядах с первым бароном лордом Гамильтоном, потеряв пост личного секретаря, но зато всецело поддерживал маркиза Рокингема и вместе с ним критиковал действия короля. По понятным причинам он противопоставил Геор-

¹⁶ В оригинале многие слова с прописной буквы.

¹⁷ The correspondence of E. Burke. 1958–1970. Vol. 3. P. 386. «Религиозный» Бёрк не отступал от рационализма, когда толковал о государственном интересе.

¹⁸ Дано по: Яковлев. С. 222.

¹⁹ Churchill. Vol. 3. 1957. P. 135.

гу III Георга II: «Во времена, полные сомнений и опасности для своей персоны и семьи, Георг II поддерживал достоинство короны, соединенное со свободой своего народа, не только не пострадавшего, но и улучшившего положение в течение 33 лет. Он поборол опасное восстание²⁰, вызванное иностранной силой, и бушующее в сердце королевства; и посредством этого разрушил семена будущего восстания, которое могло быть основано на том же принципе... и он оставил свое правление покоящимся на верных и только верных основаниях всего национального и королевского величия; любви на родине, репутации за границей, веры союзников, страха соперников. Наиболее пылкий друг своей страны не может желать Великобритании судьбы счастливее той, что была оставлена. Народ, ревностно любящий своего суверена, как мы, знает не то, какую прочесть молитву небесам ради благословения его на добродетель или высшее состояние удачи и славы, а то, что он [Георг III] должен жить и править, и когда Провидение распорядится (ordain), должен умереть, в точности как его знаменитый предшественник»²¹.

Король обладает правом вершить исполнительную власть, данным ему Революцией 1689 г., а английский народ получил «право низлагать королей в случае недостойного поведения»²², и эти права закреплены в «конституции». Поскольку доступ к аппарату управления имели избранные представители «народа», то под ним в данном случае, вероятно, подразумевалось электоральное меньшинство, имеющее право принимать и отклонять законопроекты. Оно же должно выражать интересы и чаяния «простого народа». На практике дела обстояли далеко не так. Вигская оппозиция взяла курс на проведение реформы избирательного права, что позволило бы расширить одну из категорий понятия «народ», по Бёрку – граждан, т.е. тех, кто принимал участие в выборах.

Бёрк был против системы фаворитизма в правительстве, но считал, что «использование и эффективность законов» зависят от министров государства: «При создании правительства, бесконечно большая часть его должна зависеть от власти, целиком и полностью оставленной на попечение мудрости и честности министров»²³. Памятуя о том, что в выборах того времени царила в прямом смысле анархия, неудивительно, что Бёрк так изложил свое видение назначения должностных лиц: «Всеобщие выборы должностных лиц и всеобщее распределение наград и

²⁰ Имеется в виду Семилетняя война.

²¹ *Burke. Thoughts on the cause on the present discontents // Writings. Vol. 1. P. 456.*

²² *Бёрк. Размышления. С. 78.*

²³ *Burke. Thoughts. P. 470.*

почестей— одно из основных достоинств свободного государства. Предполагалось, что все хорошие последствия всеобщих выборов будут гарантированы нам без несчастий, рождающихся на вечных интригах, и разницы в народном голосовании для каждого отдельного учреждения. Это было наиболее благородной и изысканной частью нашей конституции. Людям, через их представителей и чиновников, была вверена совещательная власть в создании законов; королю право вето..., совещательный голос и назначение на должность; у граждан было право вето в случае отказа Парламента в поддержке [законопроекта]»²⁴.

В теории право голоса не должно зависеть от имущественного состояния гражданина. Но на деле было совсем не так. Прибавим еще существование «гнилых местечек», и получится, что в целом народ Англии был бесправным. Английский вариант борьбы за избирательные права, представленный вигской группировкой, характерен для либерализма XVIII века, ратовавшего за индивидуальную свободу²⁵. Бёрк выступил за необходимость реформы правительства: «Каждое хорошее политическое учреждение должно пройти как превентивную обработку, так и коррективную. Надо иметь естественное стремление исключать плохих людей из правительства и не доверять [им], ради безопасности государства, устанавливать наказание...»²⁶. Как странно звучат здесь слова Бёрка, который позднее раскритиковал реформы французских законодателей 1789 г! Когда «редкие достоинства» государства (повидимому, подразумевались «дух законов», воплощенный в конституции, национальный интерес, общие принципы) проматываются без «общественной целесообразности», тогда «не нужна никакая поддержка правительству, кроме как преобразования»²⁷. В хорошо устроенном государстве такую поддержку должна оказывать правящая партия. И здесь уместно привести емкое определение Бёрка, вошедшее в учебники по политологии: «Партия это группа людей, объединенная для распространения национального интереса, на основе совместных усилий и общих принципов, по которым достигнуто согласие всех ее членов. Что касается меня, то я нахожу невозможным полагать, что любой [член партии] верит в свою собственную политику или определяет ее значение, отказываясь усвоить способы претворения ее на практике. Дело абстрактно мыслящего философа — указывать на верные цели государства. Дело

²⁴ Ibid. P. 472.

²⁵ См. подробнее: Яковлев. 2000. С. 241-248.

²⁶ *Burke. Thoughts.* P. 473.

²⁷ Ibid. P. 522.

политика, кто есть философ в действии, – находить правильные средства для осуществления этих целей, и эффективно их применять»²⁸.

Итак, закон в понимании Бёрка положен в основу конституции, и его следует уважать. Граждане должны обладать правом выбора членов правительства без ограничений по имущественному положению. Король и министры в свою очередь должны обеспечить народ (избирателей) уверенностью в правильности действий на основе взаимных интересов, воплощенных в единой стратегии выполнения государственных задач. Для этого и нужна партия, которая будет направлять короля. Единство интересов внутри правящего центра приведет к единству целей подданных империи и к взаимному согласию между ними. Так как правительство Англии нарушало закон, то оно должно подвергнуться реформированию, то есть преобразования рассматривались Бёрком как мера, необходимая для сохранения основ «конституции», заложенных природой и улучшенных Славной революцией. Впоследствии Бёрк развивал взгляд на свободное государство и черты, присущие свободному народу.

Кризис второй – имперский

Как известно, после Семилетней войны британское правительство сочло необходимым увеличить доход с американских колоний. В 1765 г. парламентом был принят закон о Гербовом сборе. За двумя исключениями он «не навязывал такой уж тяжелой ноши». Доход от него приносил 300000 фунтов в год, его увеличение предполагалось на 50000. Но закон включал налог на газеты, а журналисты составляли радикальную группировку Америки. Во-вторых, он встревожил колониальных торговцев, поскольку выплачивался в золотых слитках, что ускоряло неблагоприятный исход торгового баланса между Англией и колониями. Все это, по мнению У. Черчилля, «пробудило и ожесточило недовольные элементы в Америке и дало ей шанс получить первый опыт организованного сопротивления». Недовольны были и английские купцы; осознав, что закон ставит под вопрос возвращение коммерческих долгов, они объявили его противоречащим торговым интересам Империи. В 1767 г. были введены пошлины на ввозимые в американские колонии стекло, свинец, бумагу, краски и чай. Это не принесло Англии желаемого результата, и в 1770 г. новые пошлины были отменены. Но английское правительство не собиралось отказываться от возможной прибыли, и в отношении чая все осталось без изменений (по 3 пенса с фунта)²⁹.

²⁸ Ibid. P. 530.

²⁹ Дано по: *Churchill*. P. 141-145.

Противоречивые действия Парламента не нашли понимания у общественности. В апреле 1774 г. на весьма благодатной для выступления почве («бостонское чаепитие» 1773 г. было хорошей встряской для тех, кто не желал идти с колониями на компромисс) Бёрк произнес свою знаменитую «Речь об американском налогообложении». В ней он коснулся вопросов «взросления» народа, становящегося нацией: «...Люди все же несут на себе неизбежное устройство своей начальной природы со всеми ее слабостями. Закон о Навигации³⁰ помог Колониям выйти из состояния детства; выросл с их взрослением и набирал силу с их силой... Что касается меня, я никогда [ранее] не бросал взгляд на их цветущую торговлю, развитую и свободную жизнь, и они кажутся мне, скорее, древней нацией, достигшей совершенства в результате долгой череды счастливых событий и багажа успешных отраслей торговли, собравшей многовековое богатство, чем вчерашними Колониями»³¹. Указывая коллегам на то, что «чувства Колоний были изначально чувствами Великобритании»³², Бёрк пытался настроить их на мирное разрешение конфликта с целью сохранения имперского влияния. Если смотреть на такие заявления сугубо «эмпирически», то можно отнести Бёрка к ранним романтикам³³. Посмотрим на те же высказывания с точки зрения их языка.

Следующий сюжет раскрывает значение бёрковского «права наций». Оратор оценивает состояние колоний до начавшегося кризиса как благоприятное для развития всяческих ремесел и для жизни людей даже в условиях «торгового рабства»: «Вы не только начали торговлю, – обращается он к слушателям, – но и в действительности открыли объекты торговли; и этим открытием вы подняли торговлю во всем королевстве, по меньшей мере, в четыре раза. Америка получила возмещение от ваших вложений (capital), заставивших ее нести рабство. Она получила возмещение, которое вы теперь хотите у нее забрать. Кроме торговых ограничений, у нее были все черты свободного народа во всех ее внутренних интересах. У нее был образ Британской Конституции. У нее было ее содержание. С нее собирали налоги собственные представители. Она выбирала большинство своих должностных лиц. Она им всем пла-

³⁰ Навигационные акты были изданы еще в XVII веке. Они существенно ограничивали торговлю колоний, так как требовали, чтобы состав кораблей был на $\frac{3}{4}$ из англичан, а продукты, такие, как сахар, хлопок и табак, вывозились бы только в Англию и другие ее колонии. Однако Бёрк считал, что выросшие в рамках ограничений, американцы повзрослели и научились сопротивляться.

³¹ *Burke. Speech on American taxation // Writings. Vol. 2. P. 33.*

³² *Ibid. P. 16.*

³³ Он рассуждает о нациях, их характерах и нравах, семейных узах и т.д.

тила. Она в результате получила в свое распоряжение собственное внутреннее правительство. Это общее состояние торгового рабства и гражданской свободы, взятые вместе, конечно, не совершенная свобода; но сравнивая ее с обычными обстоятельствами человеческой природы, это было счастливое и свободное состояние (condition)»³⁴.

Итак, свобода, по мнению Бёрка, должна иметь ограничения. Но разве это только бёрковская идея? Если вернуться к философии Просвещения, то ее можно обнаружить, например, у Ш.-Л. Монтескье: свобода заключается в праве «делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть»³⁵. Ж.-Ж. Руссо выдвинул другой принцип, который, по его словам, «чем больше оспаривают, тем больше дают случаев подтвердить его с помощью новых доказательств». «Свобода – это не плод, созревающий под всеми небесами, поэтому она доступна и не всем народам»³⁶, но лишь тем, кто приложит усилия для ее достижения. Одним из возможных вариантов является «общественный договор». Согласно ему, «человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем он обладает»³⁷. Просветители в большинстве своем не признавали человека абсолютно свободным. Бёрк также видел свободу в равенстве ограничений. Вопрос с Америкой касался лишь их масштабов, но не отмены таковых³⁸. Правительство должно разумно облагать подданных налогами, не обременяя их слишком тяжелой ношей. В противном случае сам «родитель» заставит «бунтовать» детей против него. Здесь уместно сказать, что просветительский термин «естественные права», тесно связанный со «свободой», был специфически рационализирован Бёрком. Право на свободу, в его представлении, должно быть исторически обосновано.

Бёрк критикует стремление Парламента продавать колонистам право на участие в его сессиях. Колониальная несвобода указывает на недостатки метрополии: «Поскольку некоторые города в Англии не представлены, Америка вообще вынуждена не иметь представительства»³⁹. В этом наблюдается заметное сходство его предложений с идеями английских радикалов, которые считали, что деспотическая политика

³⁴ *Burke*. Speech on American taxation. P. 34.

³⁵ *Монтескье*. О духе законов. 1955. С. 289.

³⁶ *Руссо*. Об общественном договоре. 1969. С. 209.

³⁷ Там же. С. 164.

³⁸ *Burke*. Speech on American taxation. P. 73.

³⁹ *Ibidem*.

Англии будет вскоре обращена против нее самой⁴⁰. Бёрк напоминает о необходимости реформы, поскольку несовершенство выборной системы вызвало недовольство в Империи и грозит потерей ее благосостояния. Предоставить колонистам свободу – значит потерять управление над ними, а это недопустимо. Надо держать их в подчинении, но таким способом, чтобы они сами сочли нужным подчиняться.

Имперская «теория» Бёрка допускала известную автономию местных собраний: «...Имперские права Великобритании и привилегии, которыми должны наслаждаться Колонисты, должны быть самыми согласованными вещами в мире. Парламент Великобритании стоит во главе обширной Империи на двух основаниях: во-первых, как местная законодательная власть острова, решая вопросы на родине немедленно и никоим образом, кроме исполнительной власти. Другая ее служба, более благородная, носит черты *имперской* (курсив Бёрка. – М. Б., А. В.); в ней с небесного трона она управляет всеми подчиненными законодательствами, направляет и контролирует их, не отменяя ни одно из них... Так как эти провинциальные законодательства одинаковы по отношению друг к другу, они все должны подчиняться ей; иначе они не могут ни сохранить взаимный мир, ни надеяться на взаимную справедливость, ни позволить себе эффективную взаимопомощь. Она (империя. – М. Б., А. В.) никогда не вмешается в дела других, пока они в равной степени соответствуют общим целям их учреждения. Чтобы заставить Парламент отвечать этим целям предусмотрительного и выгодного управления, ее полномочия должны быть безграничными... Вот что я имел в виду, когда говорил об этом в разные времена, о том, что я рассматриваю власть налогообложения в Парламенте как инструмент империи, а не как средство удовлетворения... Сэр, такова моя идея Конституции Британской империи, разнящаяся с Конституцией Британии; и на этих основаниях, я думаю, подчинение и свобода могут быть эффективно согласованы во времени...»⁴¹. Бёрк видит в американском народе поднимающуюся с колен нацию, готовую к самостоятельному существованию, но, будучи англичанином, пытается добиться восстановления все-речь пошатнувшегося колониального доверия.

Надеясь на примирение с колониями, Бёрк снова говорит о свободе⁴². Отчетливо звучат слова о неприятии абстрактного: «После всей нашей борьбы, хотим мы или нет, мы должны управлять Америкой со-

⁴⁰ См. подробнее: Семенов. Английские радикалы. 2003. Ч. 1. С. 95-103.

⁴¹ *Burke. Speech on American taxation. P. 75-76.*

⁴² *The correspondence of E. Burke. Vol. 3. P. 171.*

гласно природе вещей и обстоятельствам, а не согласно нашему воображению или абстрактным идеям права, никоим образом не относящимся к общим теориям управления (government), обращение к которым кажется мне в настоящий момент не больше, чем сущей безделицей»⁴³. Понятие «свобода» является определяющим в дискурсе Бёрка и, как видно из следующего пассажа, имеет свои критерии: «Этот неистовый дух Свободы в Английских Колониях, возможно, сильнее, чем в любом другом народе на земле... Прежде всего, народ Колоний – это потомки англичан. Англия, сэр, это нация, которая, я все еще надеюсь, уважает свою свободу и прежде восхищалась ею. Колонисты эмигрировали от вас, когда эта черта вашего характера преобладала; и они унаследовали эту склонность с того момента, как отделились от вас. Поэтому они не только преданы Свободе, но Свободе согласно английским идеям и принципам. Абстрактная Свобода, как любые другие абстракции, не должна существовать. Свобода несет в себе разумную цель; и каждая нация сформировала для себя некую *любимую позицию* (курсив наш – М. Б., А. В.), которая путем возвышения становится критерием ее счастья»⁴⁴. «Любимая позиция» и есть синоним «свободы».

Для всех наций – свое мерило счастья. Это граничит с географическим детерминизмом Монтескье. Свобода, в понимании Бёрка, имеет конкретно исторические проявления: свобода от налогообложения, свобода выбора должностных лиц и т.д. Она покоится на принципе давности: нация склонна пользоваться тем видом свободы, за который она боролась в прежние времена. Тогда это и есть «естественная» свобода (историческое право нации), а не результат «метафизических» размышлений. По мнению Бёрка, Американцы боролись за свободу от торгового рабства, за право иметь своих представителей в Парламенте, значит, они заслужили ту степень свободы, на которую претендовали: «Говоря о Характере Американцев, любовь к свободе изначально доминировала как черта, которая обозначает и различает в целом: и так как пылкость это всегда ревностное действие, ваши Колонии становятся подозрительными, беспокойными и несговорчивыми, всякий раз как видят наименьшую попытку отнять у них силой или с помощью хитрости то единственное преимущество, ради которого они живут»⁴⁵.

⁴³ *Burke. Speech on moving his resolutions for conciliation // Writings. Vol. 2. P. 108-109.*

⁴⁴ *Ibid. P. 121.* Ср. «неистовый дух свободы» с рассуждениями об «иступлении» у Д. Юма.

⁴⁵ *Ibid. P. 120-121.*

«Речь о примирении с колониями» вся пропитана «духом»⁴⁶ свободы, который Бёрк признал исконно присущим американцам. При этом она явилась связующим звеном между двумя родственными нациями: «Ибо, чтобы доказать, что Американцы не имеют права на их свободы, мы каждый день предпринимаем попытку перевернуть принципы, которые охраняют наш собственный дух. Чтобы доказать, что Американцы не должны быть свободны, мы обязаны недооценивать саму свободу; и мы, кажется, никогда не одержим над ними верх в споре без нападок на те принципы и высмеивания тех чувств, за которые наши предки проливали кровь»⁴⁷. Итак, в глазах Бёрка, американцы – это новая нация, обладающая определенным набором свобод, следовательно, прав, ограниченных английским законодательством. Поскольку Америка – «дитя» Англии, то ее свободы даны свыше, «естественное право» на обладание свободой исторически обосновано. Следует вывод, что любой народ как нация – это сплоченная общим «духом» или сознанием группа. Но определение будет не полным, если не разобраться, что такое «дух» в понимании Бёрка, тем более, что он так часто пользуется этим словом. А в некоторых пассажах «дух» является синонимом религиозного сознания.

Если Бёрк пытался «обуздать» неистовую свободу в правовой сфере, то в вопросах веры он более чем пристрастен. Силу Америки он видел в общем духовном настрое: «Религия, всегдашняя движущая сила, в этом новом народе никоим образом не изношена или повреждена; и их способ верования также важная причина их свободного духа»⁴⁸. Этой силы хватило, чтобы противостоять «родителю», значит, хватит, чтобы развиваться дальше и процветать. Конфессиональная нетерпимость правительственных кругов пугала Бёрка не потому, что он сам был глубоко религиозным человеком и политиком, а потому что она повлекла за собой череду конфликтов, разгоревшихся в разных уголках британских владений: «Вы видите, – писал он в июле 1775 г., – мы действительно втянуты в гражданскую Войну; с малой-премалой надеждой на мир; и, по моему мнению, есть все Причины потерять надежду на восстановление давней уверенности и гармонии частей этой Империи...»⁴⁹. Солидарен с ним был и герцог Ричмонд: «Люди продолжают с наслаждением говорить, что все наши споры о Политике – это только дискуссия по поводу Мест, что общественным лицам все равно, кто выиграл, кто проиг-

⁴⁶ Покок считает, что понятие «дух» заимствовано Бёрком у Монтескье. – *Роско*. P. 225.

⁴⁷ *Burke*. Speech on moving his resolutions. P. 130.

⁴⁸ *Ibid*. P. 122-123.

⁴⁹ The correspondence. Vol. 3. P. 181.

рал, и что власть предержажшие только делят Прибыль, полученную в ходе пустяковых ссор, в то время как нация платит за все сполна»⁵⁰.

Бёрк, хоть это и грозило ему потерей должности, вступает в борьбу за религиозную толерантность. Его родина Ирландия стала средоточием конфликта, вызванного гонениями на католиков. Неудача правительства в войне с Америкой ободрила ирландцев. Затем начались беспорядки в Шотландии. Переписка Бёрка с государственными деятелями второй половины 1770-х гг. полна соображений по этим вопросам и проливает свет на его понимание роли религии для благополучия государства.

Предки мыслителя были католиками, отчаянно сражавшимися за свои права. «Когда Эдмунд познакомился с лордом Рокингемом, герцог Ньюкасл стал паниковать и поспешил сообщить маркизу, что вновь назначенный секретарь обучался в Сент-Омере, что он Иезуит, а его предки были безумными ирландскими бунтовщиками и самыми преданными членами Римской Церкви. Хотя Бёрк в действительности не был католиком и не учился в другой стране, старый герцог, – считает биограф XIX в., – все же имел причины для беспокойства»⁵¹.

Конфликт, разгоревшийся в Ирландии, подвиг Бёрка на тактичную попытку примирения сторон, избегая скатывания в крайности. «Не английское оружие, а английская Конституция завоевала Ирландию... Я навсегда верю в славную Революцию. Это сделало Ирландию великим и процветающим королевством...»⁵². Он видел в ирландцах и англичанах разобщенные части одного народа, в данном случае имея в виду христиан независимо от конфессии.

Бёрк всегда с уважением относился к борьбе за «естественные права», но в религиозном (ирландском) вопросе он выходит за рамки своей имперской теории. Отношения Англии и Ирландии на тот момент напоминали отношения врагов, а не родственников. На примере так называемого налога на отсутствующих (Irish Absentee Tax) Бёрк показывает остроту противоречий между двумя странами: «Правильно ли это, что женщина (англичанка. – М. Б., А. В.), которая выходит замуж за ирландца и, возможно, забирает туда свое имущество и приданое, не должна после смерти мужа иметь право вернуться в свою страну, не избежав налога на это? Если ирландская наследница выйдет замуж за английскую семью, и собственность обеих стран станет общим доходом, следует ли потомку от этого брака отказаться от естественных связей, семейных

⁵⁰ Ibid. P. 170.

⁵¹ Macknight. 1858. Vol. 1. P. 8-9.

⁵² Burke. Speech on moving his resolutions. P. 147.

привязанностей, его общественных и личных обязанностей и заставлять его занять свое место жительства в Ирландии?»⁵³. Ирландия стремилась отделиться от Англии, при этом введение законов или налоговых актов на муниципальном уровне грозило потерей целостности Империи, имевшей законодательный «суверенитет». Бёрк не мог допустить, чтобы кто-либо из подданных присвоил себе «имперские права». «Резиденция» высшей власти должна находиться только в Англии, «не по силе или тирании и не в результате долгого применения, но по природе вещей и всеобщему согласию целого организма»⁵⁴. По мнению Бёрка, согласившись на учреждение такого рода налога, Ирландия фактически заявляла, что «Англия – чужая страна», и отказывалась выполнять «всеобщий порядок вещей, распространенный по всей империи»⁵⁵.

Несмотря на призыв частей империи к подчинению, Бёрк был способен пожертвовать некоторыми государственными интересами во имя справедливой религиозной политики. Религия была для него особой областью размышлений. Это и общий «дух» народа, и могучая сила, и особый вид нравственности, и форма поддержки государства. Последняя характеристика, пожалуй, самая важная, поскольку, защищая католиков, Бёрк, прежде всего, удовлетворял государственные интересы всей Империи. Он даже рассчитывал на помощь Ирландии в войне с Америкой: «Ирландия всегда представляла собой одну из важных частей целой Системы; но Ирландия никогда не была в таком почетном положении, как сейчас. Она удерживает Баланс в Империи и, возможно, ее судьбу в своих руках... Они оградили бы всю Империю от разрушительной Войны и, скорее, за счет спасения, а не лишения, отвратили бы эту несчастную страну (Англию, по всей видимости. – М. Б., А. В.), от Плана саморазрушения путем порабощения подданных»⁵⁶. В 1775 г. англичане еще питали надежду на успех в отношениях с Америкой. Но когда, выражаясь словами Бёрка, дела стали «скатываться в кризис», он снова заговорил о роли Ирландии. В письме коллеге по партии Ч. Дж. Фоксу от 1777 г. Бёрк писал: «Я имею строгое убеждение, что запоздание нашего собрания обязано предыдущим действиям, осуществляемым в Ирландии. Я подозреваю, что Ирландия возьмет на себя инициативу управления и примет существенное участие в этой войне с людьми и деньгами. Это будет звучать хорошо, когда мы встретимся,

⁵³ The correspondence. Vol. 2. P. 477.

⁵⁴ Ibid. P. 475.

⁵⁵ Ibid. P. 476.

⁵⁶ The correspondence. Vol. 3. P. 218.

чтобы обсудить активное рвение и верность ирландского народа и противопоставить это Воинствующему духу Америки... Будет утешительным для джентльменов Страны... придерживаться мнения, что нести Ношу будут не только они, и их гордость будет уязвлена тем, что Ирландия идет нам навстречу и, находясь в зависимости от Королевства, охотно вовлекла бы себя в войну просто за наше достоинство. Как же можем мы, для кого это принципиально важно, держаться в стороне?»⁵⁷. Вероятно, так масштабно мыслили немногие его соратники, поэтому Бёрк и проигрывал свои политические «баталии».

В Британии, по словам Бёрка, разгорелась гражданская война по причинам торгового характера и из-за вопроса о законности управления подданными. Правительство не учитывало ни интересов «граждан», ни интересов простого народа: «Когда я знал Ирландию, она совсем не была похожа на английское государство, где правительство обладает всей широтой власти, общество лишь частью, а индивиды несравнимо малой долей»⁵⁸. В этой иронии читается необходимость реформы Парламента.

В глазах Бёрка англичане не были свободны, по крайней мере, по трем параметрам. Во-первых, лишь ничтожное меньшинство обладало правом голоса, рано или поздно все остальные могли взбунтоваться. Во-вторых, подданные Британии – колонисты – заключены в оковы торгового рабства. В-третьих, Британия не признавала иные церкви, кроме англиканской, имея граждан, принадлежащих, например, к католической церкви. Империя не могла похвастаться духом свободы и полноправия ее членов. Для Бёрка «нация» – это вся британская «семья», а «разлагать семейные отношения – все равно, что отравить фонтаны»⁵⁹. Спасительной силой могло бы стать имперское надконфессиональное христианство, с одной стороны – для поддержания общего «духа нации», с другой – для сохранения исконных государственных интересов, в первую очередь, финансовых и земельных. Религия, считает Бёрк, может идти рука об руку с властью. Раз государственным действиям нужна санкция свыше, то гонения на инаковерующих означают вызов Божественному Провидению. На языке Просвещения – это «природа вещей», сообразно которой должно эволюционировать человечество. Отсюда следует, что угнетать другие религии – преступление, поскольку на микроуровне рушатся семейные узы, а на макроуровне – государственные интересы: «Интерес, который сообщество включает в свои нормы намного больше, чем можно

⁵⁷ Ibid. P. 385.

⁵⁸ Ibid. P. 386.

⁵⁹ Ibid. P. 457.

вообразить; и когда [власти] внедряют Законы, чтобы перевернуть то, что они (члены сообщества. – *М. Б., А. В.*) поддерживали с таким трудом, вырождение последует незамедлительно, а вместе с ним и низвержение Государства. Семейные узы и так более чем ослаблены среди людей всех Вероисповеданий в наших Странах и в наши времена. В некоторых из наших Соседних стран закон приходит в помощь Семейному законодательству. Но любая вещь, которая стремится перевернуть порядок Провидения, чтобы дать молодости принудительную власть над зрелостью, чтобы дать страсти и мотовству власть цензора над мудростью и предусмотрительностью, Детям над родителями, означает дать новую Жизнь беспорядку и распутству, которое разрушает нас»⁶⁰. Вот почему религиозная война – самый страшный вид конфликта.

Ситуация в Шотландии также «напоминала о недостатках» в конституции «Британской семьи»⁶¹. По мнению Бёрка, все дело было в «Духе союзного акта»: речь идет о муниципальном управлении и должностной неразберихе. Кроме того, Шотландия находилась на грани гражданской войны по религиозным мотивам. В письмах 1777–1779 гг. он старался убедить своих адресатов в необходимости толерантного отношения к инаковерующим⁶².

Какие пути восстановления доверия к властям он видел? Во-первых, Бёрк считал разумным применить «Гражданские Идеи к религиозной свободе». Во-вторых, призывал граждан и правительство смотреть на мир не глазами католика или протестанта, а глазами христианина⁶³. Религия – это мудрая наставница, к ней стоит относиться с уважением во имя общих государственных интересов. «Но так как форма Закона никогда так не важна, как его содержание, то безгранично можно сожалеть, что Правительство не увидело явной необходимости (policy) примирения одной большой части народа с другой и связывания обеих сторон общими обязательствами по отношению к общей Государственной власти. Я убежден, что пока что-то подобное не будет сделано в отношении Протестантских Верующих, Образ (scheme) терпимости никогда не достигнет уровня Ваших справедливых и свободных идей»⁶⁴.

Тем не менее, Бёрк не был теологом, и его «религиозность» в решении политических вопросов можно объяснить следующим образом. На взгляды мыслителя существенное влияние оказали не столько като-

⁶⁰ Ibid. P. 457.

⁶¹ The correspondence. Vol. 4. P. 44.

⁶² Ibid. P. 45.

⁶³ Ibid. P. 84.

⁶⁴ Ibid. P. 17.

лические корни, сколько давнее единство английского права и церковной жизни. По словам Бермана, они имеют четыре общих компонента: ритуал, традиция, авторитет и универсальность, в целом характерные для всего западного права⁶⁵. Поэтому можно говорить о принятии Бёрком секулярно-рациональной модели общества, истоки формирования которой уходят вглубь веков, в римские времена.

Кризис третий – революционный

Недальновидность в американском вопросе, подозрительные финансовые траты и военные издержки, негодование по поводу тяжелого налогообложения, страх дисбаланса в законодательной системе – все эти факторы привели в конце 1770-х к росту радикального движения в Англии, к которому в дальнейшем прибавились проблемы на севере страны. Очаги протеста зачастую находились в провинциях, лидерами движений становились провинциалы⁶⁶. В 1780-е гг. Англия вошла под знаком реформ, необходимость которых признавала общественность и некоторые государственные деятели. К ним относилась партия Рокингема, а также небезызвестный У. Питт-младший, деятельность которого порой сравнивают с деятельностью Бёрка⁶⁷. В тот период времени последний положительно относился к реформаторству, так как считал его вынужденной необходимостью. Еще в 1771 г. он выказывал положительное отношение и к революции, имея в виду события 1688–1689 гг.: «Мой брат и мой друг или я сам никогда ни на минуту не подумали о революции ничего, кроме как о Явлении Почетном для нации, чья Свобода и процветание проверены временем; и будут таковыми, если придерживаться этих принципов... Я не хочу тем самым покушаться на личную Свободу человека, но я уверен, что Человек не может свободно судить о весомых вещах Королевства, если он думает о революции иначе»⁶⁸.

⁶⁵ Берман. С. 21.

⁶⁶ Например, йоркширский землевладелец Кристофер Уивилл желал исключить напрасные траты, прибавляя к этому существенное сокращение личных королевских расходов. Он обещал Парламенту помощь в освобождении от влияния исполнительной власти на основе проведения двух важных реформ: добавление в Палату Общин ста представителей и требование проводить всеобщие выборы чаще, чем было продиктовано Семилетним Актом от 1716 года. Под влиянием таких настроений члены фракции Рокингема преподнесли целый набор биллей для «экономической реформы». Одним из них стал Билль об Учреждениях Э. Бёрка, предусматривавший отмену синекур и квази-синекур, аппарата, с помощью которого министры получали большинство в Палате Общин. См. подробнее: *Christie. Wars and Revolutions*. 1982. P. 135-137.

⁶⁷ См. подробнее: Яковлев. 2000.

⁶⁸ The correspondence. Vol. 2. P. 283.

Каково соотношение понятий «реформа», «реформаторство» и «революция» в языке Бёрка? Критерии перемен были выработаны десятилетием ранее событий во Франции: «Чтобы подвинуть нас на внесение корректив, целая конституция должна быть просмотрена совместно, и она должна быть сопоставлена с действительным состоянием людей и обстоятельствами времени. Ибо то, что взято голословно и само по себе, может оказаться неверным по отношению к другим вещам, которые могут быть совершенно правильными, или, по меньшей мере, по отношению к тем, которые нужно терпеть как средства предотвращения чего-то худшего... В реформаторстве много вещей, которые нужно осуществить, если другие вещи будут сделаны в соответствии с ними; если они несовместимы, то ничего вообще не надо менять»⁶⁹. Словом, если и решаться на изменения, то они должны соответствовать требованиям времени, идти в согласии с опытом и мудростью предшествующих поколений, а потенциальный результат должен превышать затраты на их проведение. Из выразительных пассажей «Речи об экономической реформе» (1780) становится понятно, что воззрения Бёрка относительно процесса реформирования с течением времени не менялись.

Особенно интересно обратиться к его соображениям касательно нововведений в преддверии Революции во Франции, повлекшей за собой новый, знаковый кризис в деятельности Бёрка. Ключом к пониманию его неприятия Французской революции отчасти является смысл, вкладываемый в слова «реформа» и «реформаторство». В корне этих слов (*reform, reformation*) лежит «форма», которую переделывают, изменяют. В корне слова «революция» заложен «бунт» (*revolt*). Бунт всегда связан с расправой, насилием, реформы же можно провести мирным путем. Но даже «реформирование – это один из тех случаев, который следует держать в перспективе, чтобы получить желаемый результат»⁷⁰. И хотя Бёрк не любил применения абстракции при решении государственных вопросов, реформы стали исключением, так как в «абстрактном» виде они не могли нанести вред традиционным институтам. В том случае, если правительство готово пойти на компромисс со сторонниками новшеств, то реформы, согласно Бёрку, должны носить предупредительный характер: «Ранние реформы – это устройства мирного для власти характера; запоздалые реформы – как отношения, навязанные завоеванному врагу: первые проводятся холодным умом, последние –

⁶⁹ The correspondence. Vol. 4. P. 227.

⁷⁰ *Burke*. Speech on economical reform // Works. 1808. Vol. 3. P. 235.

сгоряча»⁷¹. Главным принципом при проведении реформ был принцип постепенности. При его нарушении результат реформирования, по мнению мыслителя, становился синонимом «несвоевременных приобретений». И хотя причиной написания Бёрком этой речи была «продажная» чиновничья практика, идеи реформирования могли найти применение в любой сфере: «Когда польза старых установлений исчерпана, абсурдно оставлять ничто иное, как их бремя»⁷². В этом случае даже такой красноречивый поклонник «конституции» был готов «пожертвовать принципами закона», если того потребует «время реформы»⁷³.

Стала ли Революция водоразделом воззрений Бёрка? Это поможет установить сравнительный анализ словаря Бёрка, а именно тех понятий, которые были в его обиходе до Революции и после нее. Основным источником здесь являются «Размышления о революции во Франции» (1790) и письма 1790-х гг. Из триады «свобода – равенство – братство» первая занимала сознание Бёрка в большей степени, поэтому, когда по другую сторону Ла-Манша граждане провозгласили себя свободными, Бёрк поспешил дать комментарии тому виду свободы, который, по его мнению, обрела Франция. Говоря конкретнее, он видел лишь «проект свободы», «прочный» и «рациональный»⁷⁴. Вместо свободы, считал Бёрк, во Франции была установлена новая форма тягостного подчинения, завалированного либеральными лозунгами: «Итак, что же такое французская революция? Не всякая вещь, именуемая свободой, является таковой. Не было никогда узурпации, которая не была бы прикрыта доблестным именем. Мы не должны быть обмануты названиями; вместо свободы французская революция установила узурпацию... военную тиранию..., подстрекаемую яростью свирепой толпы, в которой ни жизнь, ни свобода, ни собственность, ни тем более свобода слова не являются защищенными в данный момент...»⁷⁵. Эти слова относятся к ноябрю 1789 г., когда революционное действие только начиналось, и нельзя сказать точно, что подвигло Бёрка на столь обличительный тон в либеральной фазе событий. Возможно, дар предвидения все-таки был ему присущ. А если отказаться от мистики, следует предположить, что законодатели 1789 года и Бёрк мыслили разными категориями.

Начнем с разного понимания «свободы». Еще во время войны с Америкой Бёрк находил у каждого народа свой критерий свободы. Аме-

⁷¹ Ibid. P. 247.

⁷² Ibid. P. 278.

⁷³ Ibid. P. 309.

⁷⁴ The correspondence. Vol. 6. P. 42-43.

⁷⁵ Ibid. P. 126.

риканцы боролись за отмену торговых ограничений, ирландцы – за религиозную свободу, английский народ – за свободу гражданского выбора. Бёрку не было понятно, за какую свободу конкретно боролись французы. Их борьба не была подкреплена давней необходимостью, их уклад жизни при «старом порядке» казался ему традиционным для французской нации. На вопрос, заслуживают ли французы свободу, Бёрк отвечает положительно, но он также считает, что ею надо правильно пользоваться, чтобы собственными руками не нарушить «право, данное нашему Роду от рождения»⁷⁶. В продолжение он пишет, что «испорченной» французской нации «государство строгого принуждения сродни необходимому элементу свободы, так как оно может избавить их в какой-то Мере от самого худшего рабства, коим является деспотизм их собственных слепых и жестоких амбиций»⁷⁷. Однако, «из всех расплывчатых понятий в мире Свобода – наиболее неопределенное», если иметь в виду не «индивидуальную», «эгоистичную», а «общественную» свободу. «Это такое положение вещей, при котором Свобода определяется равенством Ограничения... Такой вид свободы, в действительности, не что иное, как другое название справедливости»⁷⁸. Справедливость в общественной сфере зависела от законов, изложенных в конституции. Недаром Бёрк так ратовал за сохранение основ, когда в английском обществе началось движение за внесение поправок в законодательную систему. Бёрк не принял не стремление французов к свободе, а отсутствие законного и нравственного основания для нее.

По мнению Берка, основную массу бунтующих составили «заговорщики» – «литераторы» и «денежная аристократия», – а также «чернь», к которой относились маргинальные элементы общества⁷⁹. Борьба не была всеобщей: в отличие от сплоченного общим духом американского народа или, к примеру, ирландцев, отстаивавших свои профессиональные права. Революцию во Франции учинила «кучка тиранов», «отчаянные персоны», обретшие власть над безграмотной толпой, одержимой жадной наживы. Революция не была «делом всей французской нации», как считали оппоненты Бёрка. Ее вершили две социальные группы, представлявшие меньшинство. К их числу не относились французские избиратели, представившие наказы при выборах в Генеральные штаты⁸⁰. К ним не относился и цвет французской нации – дворянство –

⁷⁶ Ibid. P. 41.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Ibid. P. 42.

⁷⁹ См. подробнее: Чудинов. 1996.

⁸⁰ Там же. С. 80.

образец нравственности и воспитанности, а также простой народ. Французские бедняки были неграмотными, и сочинения просветителей, которые якобы подготовили Революцию, были для них недоступны. В понимании Бёрка, Революция была нужна отдельным лицам, далеким от народа. «Повсюду, где народ нуждается в развитии ремесел и промышленности, а дух дворянской доблести и религии остается непоколебимым, благодаря силе духа, происходят необходимые изменения»⁸¹.

Отношение к реформам и тогда осталось положительным: с течением времени все претерпевает необходимые изменения, старые механизмы изнашиваются. Реформы для Бёрка – это движущая сила любого государства, гарантия его безопасности: «Государство, лишенное средств к введению определенных изменений, не имеет и средств для самосохранения. Без таких средств ему грозит даже потеря той части конституции, каковую оно стремится благоговейно сохранить. Два эти принципа: сохранения и исправления – мощно действовали в продолжение двух критических периодов – Реставрации и Революции, когда Англия осталась без короля»⁸². Порядок передачи власти остался в Англии традиционным. Согласно Бёрку, наследственная власть не должна меняться, а вот способы ее передачи могли различаться – «законным путем или силой»⁸³. Французские революционеры совершили не «Реформаторство», а «Революцию»⁸⁴. Первое понятие имело для Бёрка положительный смысл, второе – отрицательный, так как означало отказ от старины, включавшей и систему законодательства, и общественные взаимоотношения, отказ от «прецедентов», «примеров», «опыта». Последние три слова синонимичны в устах Бёрка. Они же стали критерием любых перемен: если планируемые изменения или реформы, зиждутся на одном из них, то они имеют разумное содержание. Реформы должны быть порождены необходимостью.

Все кардинально новое вызывало у Бёрка, по меньшей мере, страх, его пугал сам «привкус новизны». Во всякой новизне должна быть «умеренность», которая, по его мнению, есть «могущественная добродетель», «вечная нить, чтобы предотвратить скатывание в крайности»⁸⁵. В случае с Францией Бёрк категоричен, он не видел исторической подоплеки событий. Кроме того, революционеры посягнули на святое – лица духовного сана были опозорены, имущество церковей разграблено. Вме-

⁸¹ Бёрк. 1992. С. 155.

⁸² Там же. С. 85.

⁸³ Там же. С. 86.

⁸⁴ The correspondence. Vol. 6. P. 46.

⁸⁵ Ibid. P. 49, 129.

сте с тем были преданы забвению религиозные нормы. Религия столкнулась с политикой. Право было оторвано от религии. Этого Бёрк не принимал на родине, не мог принять и в качестве стороннего наблюдателя. (К тому же принципы, провозглашенные «Декларацией прав человека и гражданина», имели универсалистский характер, что противоречило, в глазах Бёрка, историзированному рационализму.)

Религия – это не только фундамент нравственности, но и «вечный непреложный закон»⁸⁶, благодаря которому осуществляется власть. «Основываясь на религиозной системе, коей мы ныне обладаем, мы продолжаем действовать, исходя из давно усвоенного и непрерывно продолжавшегося сознания человечества. Сознание это... охраняет это здание от разрушения»⁸⁷. Дуалистическое понимание гласит: общий закон – это совокупность священного и гражданского законов. Авторитет первого не довлеет над последним, но поскольку все религии «предписывают»⁸⁸, то гражданским законам необходима священная санкция. Французские законодатели не получили законы «из рук Божьих», и они были не вправе применять их на практике.

Будучи уверенным, что все сферы общественной жизни взаимосвязаны, Бёрк, по сути, спрогнозировал развитие Революции. Вслед за разрушением отношений собственности и финансов последуют низвержение остальных элементов системы. Английская Славная революция более походила на бёрковское «реформаторство», хотя в ней присутствовал момент насилия. Французская революция не отвечала критериям реформаторства с самого начала, хотя в ней еще не было *большого* насилия. Предсказания Бёрка сбылись: кардинальные перемены произошли во всех сферах жизни. И если не касаться языка его сочинений, то можно долго рассуждать о причинах бёрковской перемены взглядов.

Итак, в целом воззрения Бёрка до Революции и после нее существенно не изменились. От кризиса к кризису смысл его ключевых понятий не деформировался. Хотя нельзя говорить и о статике дискурса. Язык Бёрка динамичен, гибок, зависим от исторических обстоятельств. Например, народ распадается на несколько категорий: простой народ; избиратели, граждане, участвующие в управлении; верующие. Свобода, хоть и «наиболее расплывчатое» понятие, приобрела главную характеристику – равенство ограничений. Есть несколько видов свободы: гражданская (политическая), экономическая, религиозная, но не существует

⁸⁶ Бёрк. 1992. С. 172.

⁸⁷ Там же. С. 169.

⁸⁸ The correspondence. Vol. 8. P. 129-130.

«абсолютной свободы». Это понятие историзировано Бёрком. Право тесно связано со свободой, но оно не должно быть унифицированным, напротив – иерархичным. Закон, по Бёрку, двуедин: он соединяет в себе долг священный и гражданский, отсюда – тесная связь права, закона и религии. Последняя представляет собой сознание или «дух», необходимый как спасительная сила и высшая санкция, без которой новые законы не могут вступить в силу. Государство, в свою очередь, должно управляться людьми, смотрящими в одном направлении (общей пользы, «национального» интереса) в рамках проверенной временем конституционной системы. В английском варианте – это неписаная «конституция», изменения в которой ограничивает верность традиции. Что касается реформаторства и революции, то первое имеет для Бёрка всегда положительное значение, а революция изначально едва присутствует в словаре мыслителя, так как не соотнобразуется с предшествующим опытом и заведенным порядком.

В силу сказанного, кажется неправильным толкование «Размышлений...» как работы сугубо консервативной направленности. Значение понятийного аппарата Бёрка оставалось стабильным, но оно не совпало с тем, что было предложено законодателями 1789 г. во Франции, также как не совпадали британское и континентальное право, политические системы двух стран, религиозная ситуация и интеллектуальные предпочтения, характерные для них. Наиболее удачной выглядит характеристика Бёрка как либерального консерватора, впитавшего традиции английской «конституции» и официальной веротерпимости, результаты революции XVII века, которые упорядочила эпоха Просвещения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бёрк Э.* Правление, политика и общество. Сборник / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Полякова. М., 2003. 480 с.
- Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Пер. с англ. С. Векслер, предисл. К. О'Брайена. Лондон. 1992.
- Берман Г. Дж.* Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика. М., 1999. 431 с.
- Монтескье Ш.-Л.* О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. 794 с.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты / Пер. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова. М., 1969. 703 с.
- Семенов С. Б.* Английские радикалы и война за независимость США // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.): Сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 2003. Ч. 1. С. 95–103.

- Скиннер К.* Свобода до либерализма / Пер. с англ. А. В. Магуна, науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2006. 120 с.
- Чудинов А. В.* Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996. 304 с.
- Яковлев Н. Н.* Британия и Европа. М., 2000. 294 с.
- Canavan F.* The political reason of E. Burke. London, 1960. 222 p.
- Chapman G. W.* Edmund Burke. The practical imagination. Cambridge, 1967. 350 p.
- Christie Ian. R.* Wars and Revolutions: Britain, 1760–1815. London, 1982. 359 p.
- Churchill W. S.* A history of the English-speaking peoples. In 4 vols. London, 1957. Vol. 3. 332 p.
- Cobban A.* Edmund Burke and the revolt against the eighteenth century. London, 1960. 279 p.
- Dreyer F.* Burke's politics: A study in Whig orthodoxy. Waterloo, 1979. 93 p.
- Freeman M.* Edmund Burke and the critique of political radicalism. Oxford, 1980. 250 p.
- Kramnick I.* The rage of E. Burke. Portrait of an ambivalent conservative. N.-Y. 1977. 180 p.
- Macknight T.* History of the life and times of E. Burke. London, Vol. 1(1858). 527 p., Vol. 3 (1860). 764 p.
- Morley J.* Burke. London-N.Y., 1888. 315 p.
- Parkin C.* The moral basis of Burke's political thought. Cambridge, 1956. 143 p.
- Pocock J. G. A.* Politics, Language and Time. Essays on political thought and history. London, 1972. 291 p.
- Stanlis P.* Edmund Burke and the Natural law. Michigan, 1958. 311 p.
- The Writings and Speeches of the Right Honourable Edmund Burke. In 12 vols. Boston, 1901. Vols. 1-2.
- The Works of the Right Honourable Edmund Burke. In 8 vols. London, 1808. Vol. 3. The correspondence of Edmund Burke. In 9 vols. Cambridge, 1958–1970. Vol. 1 (1958), Vol. 2 (1960), Vol. 3 (1961), Vol. 4 (1963), Vol. 6 (1967), Vol. 8 (1969).

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; belov_mihail@mail.ru.

Витальева Анна Игоревна, аспирантка Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; Anna-vitalyeva@yandex.ru.